

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Екатерина
Островская

ТЕМНИЦА
ТИХОГО АНГЕЛА

ЭКСМО

Екатерина Николаевна Островская

Темница тихого ангела

Серия «Татьяна Устинова рекомендует»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=633685
Темница тихого ангела: Эксмо; М.; 2011
ISBN 978-5-699-47732-6

Аннотация

Судьба человека полна неожиданностей, а повороты ее зависят порою от ничтожных случайностей. Американец русского происхождения и начинающий писатель Николай Торганов так и остался бы никому не известным автором, если бы однажды некий пассажир самолета не открыл бы кем-то забытую книжку и не погрузился бы в чтение... Теперь у Торганова есть все – премия «Оскар» за лучший сценарий, роман с великой голливудской актрисой, работа со Стивеном Спилбергом... Только одно тревожит его – странное ощущение, будто он что-то потерял в своем далеком российском прошлом. Но что именно? Торганов отправляется в Россию, где узнает: одноклассница, которая нравилась ему когда-то, приговорена к пожизненному заключению. Она в тюрьме, откуда никогда не сможет выйти...

Содержание

«Просто», «много», «вкусно» и «интересно»!	4
Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	12
Глава третья	18
Глава четвертая	29
Глава пятая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Екатерина Островская

Темница тихого ангела

**«Просто», «много»,
«вкусно» и «интересно»!**

Я очень люблю, когда «просто», «много», «вкусно» и «интересно». Люблю, чтобы было много отпуска, а в отпуске – много моря и просто поваляться на солнце, и еще люблю вкусно завтракать, и так, чтобы за завтраком много кофе, а потом приняться за любимую и интересную работу. В кино и книгах так же: люблю простые решения, много действия, вкусные сцены и интересный сюжет.

Я читаю детектив ради увлекательного, завораживающего, может быть, даже немного фантастического действия. Где обязательно должно быть «просто», «много», «вкусно» и «интересно», и так, чтобы читалось на одном дыхании.

И сейчас вы держите в руках именно такую книгу – детектив «Темница тихого ангела» Екатерины Островской. Он буквально соткан из драйва: здесь и Большое Яблоко – уже вкусно, и любовь с первого взгляда – уже просто, и миллион долларов – уже много, и дерзкий побег – вот вам и интересно. В тексте некогда скучать, одно событие сменяется дру-

гим... Отель «Плаза» в Лос-Анджелесе, Петербург – мой любимый город, Москва – мой город не менее любимый, великий Стивен Спилберг, всесильный политик Пал Палыч, триумфальное возвращение на родину, президентские резиденции, бывшие одноклассники, почти забытое убийство, скелет в шкафу – и не один, загадочная смерть, воспоминания, колония, взятка в миллион – все это очень стремительно и сказочно. И – чуть не забыла! – стопроцентный хеппи-энд! А еще главный герой – большой русский писатель и сценарист – получает «Оскара», – а это, скажу вам, дорогого стоит! Книга до краев наполнена праздником жизни, головокружительным успехом, сногшибательным темпом и пульсацией жизни, происходящей вокруг героев, – всем тем, чего здесь, в повседневной будничной действительности, нам так недостает! Да, я знаю, что «на самом деле так не бывает» и это никакая не правда жизни, но, перефразируя Ницше, книга должна быть интенсивнее и ярче жизни: ведь при стрельбе берешь выше цели. Екатерине Островской и ее детективу «Темница тихого ангела» удалось подарить мне головокружительный вечер за увлекательным чтением, и поэтому я советую вам эту книгу.

Я признательна издательству «Эксмо» за проект «Татьяна Устинова рекомендует»! Во-первых, приятно осознавать, что к твоему мнению прислушиваются. Во-вторых, я стала значительно больше читать наших книжных новинок и удивилась, сколько хороших детективов, оказывается, пишется

и издается в России. В-третьих, и это, наверное, самое главное, хорошим всегда очень хочется поделиться. И я советую вам книгу Екатерины Островской «Темница тихого ангела», потому что там «просто», «много», «вкусно» и «интересно»!..

Часть первая

Глава первая

Не только дураки, но и многие умные, на первый взгляд, люди мечтают прославиться, наивно полагая: если их заметит пресса, то жизнь удалась. Причем неважно, как стать знаменитым и что надо сделать для популярности – главное, чтобы их знали и помнили о них долго. Фотографии в газетах, телевизионные интервью, упоминание в скандальных хрониках – недостижимая радость бытия для большинства людей, прозябающих в безвестности, мечта, несбыточная и горькая: тоскуют несчастные в своей тусклой жизни, не догадываясь даже, что слава может принести тоску еще большую.

«Быть публичным человеком еще хуже, чем публичной женщиной». Об этом подумал Николай Торганов, проснувшись однажды в номере отеля «Плаза» на Голливудском бульваре. Вернее, подумал когда-то А.С. Пушкин, а Коля просто вспомнил классика. А до этого каждое утро на протяжении почти года, открывая глаза, он знал, что ему уже почти тридцать и он никому не известный писатель, а следовательно, личность, не представляющая интереса для большинства окружающих людей. Даже женщины, которые в силу любопытства или, может быть, близорукости обращали

внимание на Николая в каком-нибудь супермаркете или просто на улицах, подходя ближе, резко отворачивались, чтобы их не заподозрили во внимании к существу серому и недостойному. Про себя Торганов знал точно, что он не урод, но ведь даже ослепительно прекрасный нагой красавец вмиг становится нехорош собой, когда натягивает на себя протертое до неприличия дешевое безобразие, а не голубые джинсы от Кельвина Кляйна, к примеру, не говоря уже о костюме от Армани.

Тридцать лет для человека – определенный рубеж. «В двадцать лет ума нет – и не будет. В тридцать лет денег нет – и не будет...» – гласит русская народная мудрость. Потом следует сентенция насчет жены, что несколько устарело в наше время. К сорока годам многие мужчины успевают раза по четыре обзавестись женами. Что касается женщин, то им хорошо известно: тридцатилетняя женщина – потерянный для общества человек. Эта мудрость тщательно скрывается от мужчин, особенно от тех, кто представляет определенный интерес. Но Торганов, судя по всему, к этому разряду не относился. Даже родная мать старалась пореже с ним видеться, словно присутствие рядом с ней взрослого сына – лишнее напоминание о тщательно скрываемых морщинках возле глаз. Морщинки эти уже раз пять убирались опытными, хотя и не очень дорогими, пластическими хирургами, но почему-то появлялись вновь. На красоте, конечно, нельзя экономить, но в пятьдесят два года уже трудно казаться даже тридцати-

летней. Впрочем, фигуре Ирины Витальевны могли позавидовать многие и многие дамы, родившиеся, естественно, не в России, а в Штатах, возвращенные не на парном молоке, а на хот-догах и чипсах с попкорном.

Все мечтают о славе, как мечтают о вечной молодости и нескончаемом счастье. Коля Торганов тоже думал о чем-то подобном, но при этом работал, просиживая перед компьютером по восемнадцать часов в сутки, прикованный к нему своей мечтой, как каторжник к опостылевшему веслу галеры. К тридцати годам он написал три книги, вышедшие в русском издательстве и едва распроданные, а потом американское издательство выпустило его книжку, написанную уже на английском, и она тоже простаивала на магазинных полках. Литературной славе было лень подниматься к нему на девятый этаж дома, в котором лифт если и работал, то пару часов в неделю. Торганов убеждал себя, что ему все равно, главное – не мечта и не результат, а сам процесс; в конце концов не каждому суждено быть Владимиром Набоковым – классиком американской литературы.

Все изменилось внезапно.

Некий весьма удачливый продюсер решил отправиться в Европу. Он развалился в кресле «Боинга» и на всякий случай обшарил ячейку в спинке впереди стоящего кресла, в которой обычно хранятся гигиенические пакеты для слабонервных. Что хотел там найти продюсер – неизвестно, может быть, он решил проверить, не забыл ли кто из пассажиров

предыдущего рейса что-либо ценное – бриллиантовое кольцо или просто бумажник, но обнаружил книжку. Книги, как известно, особой ценности не представляют, иначе их бы не забывали в самолетах. Но полет был долгим, а продюсер накануне хорошо выспался и потому решил просто полистать страницы в поисках картинок. И, к своему удивлению, начал читать. Закончил только в парижском такси. Машина стояла перед отелем «Реджина». Продюсеру казалось, что в Париже идет дождь: перед его взором была мутная хмарь. Но светило солнце, пахло начинающимся летом, а по тротуару за окном автомобиля проходили длинноногие девушки в веселых мини-юбках.

– Какое дерьмо! – выругался продюсер.

Рукавом пиджака от Армани смахнул влагу с глаз. Потом, рискуя повредить костюм, засунул найденную книжку в карман и пошел к дверям отеля.

В номере он разделся, распечатал пакет с махровым халатом. Халат был белый с вышитым на груди названием гостиницы. Продюсер хотел надеть его на себя, но потом решил, что для начала надо принять душ, и поразился такой простой мысли.

– Дерьмо! – повторил он.

Посмотрел в зеркало на себя голого, попытался напрячь торс, ничего не получилось. Продюсер отбросил в сторону халат и, не опускаясь в кресло, снял трубку телефона.

Офисный номер отозвался автоответчиком. В Штатах уже

была ночь. Тогда продюсер позвонил своему помощнику домой.

– Вы уже вернулись? – поинтересовался тот спросонья.

– Ты один? – спросил продюсер, хотя знал, что это не так.

– Как всегда, – соврал помощник.

– Тогда вылезай из кровати и ступай в кабинет. Позвони в издательство... – Продюсер взял со стола книгу и посмотрел на выходные данные. – В издательство «Леви, Леви энд Цуккер», и спроси у них адрес писателя...

Продюсер посмотрел на обложку.

– ...писатель Ник Торгановф.

– Сейчас четыре утра, – напомнил референт.

– Потом свяжись с этим парнем, спроси, не продал ли он кому права экранизации своего романа «Тихий ангел». Если нет, предложи ему сто тысяч, отправь проект договора – того, что мы обычно новичкам подсовываем. Только будь осторожен: парень талантливый, вдруг обидится.

– Если талантливый, то наверняка нищий, а следовательно, сговоримся.

– Он гений, а не гей, а потому может оказаться не очень сговорчивым. Но все равно будь с ним помягче. И не проявляй заинтересованность. В конце концов предложи сто двадцать тысяч.

Глава вторая

Николай собирался завтракать, когда раздался звонок. Снимать трубку не хотелось по двум причинам. Во-первых, сломался тостер и надо было его разобрать. Во-вторых, могла звонить бывшая жена или еще хуже – хозяйка квартиры, а от женщин Торганов уже давно не ждал ничего хорошего. Но телефон продолжал надрываться. Николай посмотрел на часы – без четверти полдень.

– Ник Торгановфф? – произнес вкрадчивый голос.

– Да, – признался Коля после некоторой паузы, ушедшей на раздумье: не поторопился ли он вообще снять эту чертову трубку.

– Я Джордж Руни, помощник президента продюсерской фирмы «Блю Синема продакшн». Может так случиться, что у нас появится интерес к вашему роману «Тихий ангел». Скажите, кому принадлежат права его экранизации?

Коля растерялся, а в это время сам собой включился тостер.

– Вот черт! – не выдержал Торганов, поразившись подлости кухонного прибора.

Нет, на самом деле он поразился неожиданному вопросу.

Николай нажал на кнопку, но тостер продолжал гудеть. Пришлось выдернуть шнур из розетки. Все это заняло какое-то время, поэтому он успел подготовить достойный от-

вет, а не заорать от радости.

– Вы что-то сказали? – долетел голос мистера Руни.

– Права экранизации принадлежат автору, то есть мне, – ответил Коля равнодушно, едва сдерживая сердце, рвавшееся из груди в законное пространство, где синел маленький кусочек нью-йоркского неба, – сейчас идут переговоры с агентами...

– Простите, – еще более равнодушно произнес мистер Руни, – не буду больше вам мешать. Есть понятия деловой этики, которым наша продюсерская фирма следует неукоснительно.

– А вы что-то хотели предложить?

– Ничего, собственно, просто наша фирма проводит определенную работу с молодыми авторами. Чтобы поддержать начинающих, мы заключаем с ними контракты на написание сценариев или приобретаем готовый материал. К сожалению, почти все проекты оказываются впоследствии неинтересны для нас.

– А мне интересно знать, сколько ваша фирма обычно платит начинающим. Просто хочу сравнить с той суммой, что мне предлагают другие агенты.

– Сколько они предлагают, я знаю, – лениво произнес мистер Руни, как видно, потеряв всякий интерес к молодому писателю. – Меньше, чем шестьдесят восемь тысяч пятьсот они не могут предложить: это минимальная стоимость сценария, определенная профсоюзом. Но если вы собираетесь

продать не сценарий, а только права экранизации книги, то цена будет раз в десять ниже, кроме того, из той незначительной суммы агенты вычтут свои тридцать процентов.

– Я бы продал сценарий вместе с правами экранизации романа, согласен на любое изменение моего текста. Об этом сейчас и пытаюсь договориться. Переговоры, кстати, заканчиваются. Надеюсь, что до конца недели контракт будет подписан.

Николай успокоился, потому что понял – удача наконец-то улыбнулась ему.

– Желаю успехов! – бодрым голосом попытался закончить разговор мистер Руни и добавил: – Всего хорошего. Если напишете что-нибудь стоящее, то, вполне возможно, нас это заинтересует.

– А сколько ваша компания готова дать за «Тихого ангела»?

– Шестьдесят восемь тысяч пятьсот. Но зато без всяких агентов – все деньги ваши. Мы приобретем опцион на год и заплатим десять процентов. В течение года, если фильм запустится в производство, вы получите остаток всей суммы, а если нет – оставляете аванс себе.

– За девяносто тысяч я бы согласился, и то если...

– Семьдесят тысяч, – перебил его мистер Руни, – и не будем больше торговаться: мы и так переплачиваем. Рисуем к тому же. Если вы согласны на наши условия, то проект контракта мы отправим вам сегодня до конца дня.

– О'кей, – согласился Николай, – только аванс – двадцать процентов!

– Пятнадцать, – твердо произнес референт, – и ни цента больше. Мне еще придется уговаривать нашего президента, чтобы он пошел на такие кабальные для нас условия.

Проект контракта прислали через час. Николай подписал его, дополнительно внося только два пункта: в титрах будущего фильма будет указан единственный автор сценария – Ник Торганофф. А во всех рекламных материалах – в прессе и в роликах – обязательно указывать: «Фильм по сценарию Ника Торганоффа».

Коля остался доволен собой: в конце концов два года, проведенных на юридическом факультете Колумбийского университета, что-нибудь да значат!

На самом деле Коля готов был отдать права и просто так, то есть бесплатно. Но, во-первых, его приняли бы за идиота, а во-вторых, надо ведь и жить на что-то: платить за квартирку, питаться, не говоря уже о необходимости приобретения нового тостера.

Десять с половиной тысяч долларов ему выдали через неделю после подписания контракта. Он не удивился этому. Станным казалось другое: неужели американцам так уж интересна история бедной русской девушки-графини, проживающей в Харбине в конце двадцатых годов? Эмиграция, нищета, спивающийся отец-граф и полусумасшедшая мать

– потомственная княгиня, младшие сестры-близняшки, вечно испуганные... Тоска по родине, воспоминания о былом величии семьи, а вокруг маргиналы-соотечественники, китайские мошенники, вездесущие агенты НКВД, курильщики опиума, забывшие, кто они и откуда, дом, больше похожий на притон, и грязь, грязь, грязь... Чтобы прокормить семью, молодая графиня вынуждена заниматься консумацией и проституцией, поскольку другой работы нет. Она понимает, что этим не поможет ни отцу, ни матери, и скоро сестрам придется заниматься тем же самым. Жить не хочется, отчаянье сжимает страшный круг... Но тут в Харбин прибывает молодой американский миллионер. Он знакомится с героиней в ресторане: ее подсаживают за его столик. Завязывается беседа – и американец очарован, он хочет встречаться с ней постоянно, говорить с ней и только с ней. Видеть ее он не может, потому что наследник капиталов одного из богатейших семейств Америки слеп...

То ли американцам нравятся сказки про любовь миллионера к проститутке, то ли им понравилось, что и миллионеры бывают слепыми, то ли вспомнили «Огни большого города» Чаплина – историю бродяги и незрячей цветочницы, но фильм начали снимать через полгода после того, как у Торганова сломался тостер. Сценарий к тому времени был, разумеется, написан и даже исправлен Николаем дважды: один раз по просьбе режиссера, а другой – по требованию продюсера.

Съемки длились всего три месяца: Харбин начала прошлого века построили в павильоне Голливуда, китайцев искать не пришлось – их везде много, зато удалось упросить за большие деньги поучаствовать в работе двух звезд – немного потускневших, правда, но все же любимых зрителями. Один сыграл отца-алкоголика – ему даже не пришлось особенно вживаться в роль, плохо только, что популярный актер часто забывал текст и, красиво улыбаясь, нес отсебятину. Его жену играла тоже звезда, в недавнем прошлом, кстати, и в самом деле супруга популярного любителя экспромтов и виски. Она весьма натурально хлестала по щекам своего бывшего мужа, а теперь просто партнера по съемкам. Николай в Голливуд не поехал, но иногда справлялся у мистера Джорджа Руни, как идет работа. Тот отвечал: «Все о'кей!», а однажды признался, что исполнители всех ролей, включая эпизодические, без ума от сценария и часто плачут на площадке, не в силах сдерживать свои эмоции. Картина поголовно рыдающей съемочной группы впечатляла.

Вскоре началась раскрутка будущего фильма: появилась информация в газетах и журналах, иногда по телевидению показывали рекламный ролик, а кое-где висели огромные постеры. Автор сценария Ник Торгановф упоминался везде. Это было приятно, хуже оказалось другое: как только по телевидению впервые прокрутили ролик, Николаю позвонила бывшая жена и потребовала денег.

Глава третья

Если бы бывшая миссис Торгановф, а теперь просто О'Нил, знала, какой получится фильм! Рыдали все Соединенные Штаты, а потом Канада, и особенно Мексика, где люди вроде бы приучены плакать над сюжетами своих отечественных сериалов. Кинокритики поначалу пытались критиковать, потом примолкли, а когда сборы от проката перевалили за двести миллионов, начали всю расхваливать картину, отмечая игру актеров, операторскую работу, режиссерские находки и особенно оригинальный сценарий. Началось триумфальное шествие фильма по миру. Правда, в некоторых мусульманских странах прокат был запрещен, но именно там оказался самый высокий процент продаж кассет и DVD-дисков. Ругали картину в Китае, но и там сборы перевалили за миллиард юаней.

Очень скоро Николаю позвонил мистер Джордж Руни и сообщил, что фильм выдвигается на соискание премий американской киноакадемии по семи номинациям.

– На премию «Оскар», что ли? – не поверил Торганов.

– Ну да. А на какую еще? Кстати, Ник, мы хотим заключить с тобой контракт на сценарий второго фильма. Зритель требует продолжения: мы завалены письмами – и почти во всех зрители предлагают свои варианты сюжета. Но ты волен сам придумать развитие событий. Например, Бакси Мелло-

ун привозит графиню в Штаты, а у нас тут Великая депрессия, сухой закон, разгул преступности. В героиню влюбляются главари мафии: Аль Капоне, Голландец Шульц, Френк Каstellо, Чарли Зубочистка... и этот, как его? Короче, и другие короли преступного мира. А семья Меллоуна не принимает русскую: они догадываются, чем она занималась в Китае. Ей и у нас приходится трудиться. Графиня поет в подпольном казино, где каждую ночь драки, перестрелки, полицейские облавы. В нее влюбляется самый известный полицейский Чикаго Дик Трейси...

– Сколько? – поинтересовался Торганов.

– Хорошо, пусть в нее влюбляются несколько полицейских.

– Каков будет гонорар?

– В два раза больше прежнего.

– В три раза!

– О'кей, – вздохнул мистер Руни. – Пусть будет двести тысяч баксов. Контракт вышлем сегодня же.

В тот же день Николай сел за работу над продолжением истории о бедной русской графине.

Церемония вручения «Оскара» прошла суматошно и громко: в гигантском зале кинотеатра «Кодак» сверкали лампы софитов и прожекторы, на сцене искрились фейерверки, а лазерные лучи высвечивали в воздухе имена номинантов. Гремела музыка, популярные певцы и певицы старались вовсю, на огромном экране демонстрировали отрывки

из номинированных на премию фильмов.

Николай знал точно, что никакой премии не получит. Во-первых, были сильные конкуренты – опытные кинодраматурги, создавшие великое множество сценариев, ставших потом шедеврами. Во-вторых, свою работу он сам считал халтурой на потребу. В-третьих... Он мог бы придумать еще множество причин, но главной для отклонения его кандидатуры, конечно, станет одна-единственная: то, что он – русский. Коля не очаровывался происходящим вокруг и не ждал ничего хорошего для себя, кроме банкета после окончания церемонии. Он даже не стал выбирать одежду: взял напрокат смокинг, хотел приобрести рубашку и галстук-бабочку, но схватил с прилавка белую хлопковую майку – купил ее только потому, что на ней стояло название фильма, сценаристом которого он являлся. В ней и пошел на церемонию, в пару к смокингу натянув на себя черные джинсы с шелковыми лампасами. Джинсы ему, как ни странно, подарила бывшая жена.

Торганов сидел в мягком кресле и смотрел на сцену. Поначалу вручали премии в малозначимых номинациях. В двух был номинирован и его фильм: за лучший саундтрек и за лучший монтаж. Оба раза премии получили конкуренты. Потом на экране снова появились кадры из «Тихого ангела», и ведущие церемонии объявили, что сейчас произойдет определение лучшего сценария. Представили сценаристов, Николая тоже осветили лучом прожектора, телевизионная

камера подъехала почти вплотную к его лицу, он смутился немного и вдруг сообразил, что прямая трансляция идет на весь мир и, вполне вероятно, отец тоже сидит сейчас перед телевизором, в маленькой квартирке в Петербурге, смотрит на экран и радуется. А рядом с ним бабушка и новая семья отца.

– Замечательный писатель – гордость американской литературы, новый Владимир Набоков, написавший роман, ставший вровень со знаменитой «Лолитой», – Ник Торгановф, – долетел голос из космоса.

Раздались аплодисменты. Потом ведущие перед тем, как вскрыть конверт, в котором лежал листок с одной отпечатанной строкой – выбором киноакадемии, долго шутили, но смысл их шуток не доходил до Николая. Он вообще не сообщал, что происходит. В мозгу звучала и повторялась фраза, которую говорил кто-то за Николая: «А вдруг выберут меня?» И непонятно, кто говорит, кого выберут и куда.

– Фильм «Тихий ангел». Ник Торгановф.

Последние два слова потонули в гуле оваций, и потому Николай не сразу понял, что произошло. Его ослепил луч прожектора, и сидящая рядом актриса, исполнявшая в фильме роль полусумасшедшей матери, хлопнула его по коленке:

– Давай, мальчик, беги за своей порцией славы.

Ее тоже номинировали, хотя она уже не верила в удачу, одновременно надеясь на нее. Четыре раза за свою карьеру

она сидела в таком же напряженном ожидании, но «Оскара» получали другие.

– Беги быстро, – улыбнулась Николаю звезда, – но беги с достоинством.

Коля поднялся, поклонился залу, а затем почему-то склонился к уху актрисы и шепнул, коснувшись губами сережки с крупным бриллиантом:

– Ты тоже получишь награду. Ты – лучшая!

И поцеловал близкую щеку.

Он шел к сцене, поднимался по ступеням, думая об одном: как нелепо выглядит в джинсах и белой майке под черным мешковатым смокингом.

Стоял перед микрофоном и смотрел на огромный зал, переливающийся мерцанием бриллиантов.

– Спасибо, спасибо, – наконец произнес он.

Или это сказал кто-то, кем Торганов не мог управлять. Голос был чужим и наглым.

Николай распахнул смокинг и продемонстрировал свою белую майку, а на огромном экране за его спиной крупным планом появилась надпись, вышитая на майке, – «Тихий ангел».

– Я не ожидал, честное слово. Даже пришел сюда без смокинга. Но мистер Шварценеггер любезно одолжил мне свой.

Зал взорвался от хохота, а потом начал аплодировать. В центре седьмого ряда поднялся человек в белом пиджаке. Это был губернатор Калифорнии. Он помахал рукой Нико-

лаю, а потом поклонился залу. Собравшиеся поаплодировали и ему.

– Спасибо тебе, Арнольд, – продолжил Торганов, – но пиджачок я все же оставляю себе: он приносит удачу.

Торганов смотрел в зал, вдруг почувствовав, как у него сводит челюсти, но все же закончил:

– Спасибо всем членам киноакадемии. Даже тем, кто голосовал за других претендентов. На самом деле, были люди достойнее меня: просто мне повезло.

– Пиджачок помог, – крикнул кто-то в зале.

Николай спустился со сцены, направился к своему ряду, чуть не проскочил мимо, но его подтолкнули в спину, и он увидел свою соседку кинозвезду. Опустился в кресло и только тогда понял, что держит в руках золотую статуэтку «Оскара».

– Поздравляю, – шепнула звезда. И поцеловала Торганова. Потом стерла с его щеки след помады.

Вокруг шелкали блицы фотокамер.

– Давно с Арнольдом знаком? – спросила актриса.

– С детства. Он был моим тренером по пинг-понгу.

Звезда усмехнулась и шепнула:

– А ты далеко пойдешь: талантливый и симпатичный.

Николай посмотрел в ее глаза и растерялся. А потом обернулся к сцене.

– Не расслабляйся, – сказал он, – скоро твоя очередь получать то, что ты давно заслужила.

– Давно, – снова усмехнулась звезда.

И поправила бриллиантовую цепь на шее.

«Оскара» вручили и ей – за роль второго плана.

На банкете они были все время рядом. Поздравляли обоих. Первым подошел Шварценеггер. Он поцеловал звезду и пожал руку Николаю.

– У тебя хорошая фигура, – сказал он. – Какому спорту отдаешь предпочтение?

– В университете играл в бейсбол за команду курса, а в школе боксировал.

– Какой университет заканчивал? – спросила актриса, прикладываясь к треугольному бокалу с сухим мартини.

– Колумбийский.

Звезда глазами изобразила удивление, смешанное с восхищением, но тут на нее с поцелуями набросилась Шерон Стоун.

– Поздравляю, поздравляю! Я так рада за тебя! Столько раз тебя обходили! Ты могла бы «Оскара» еще лет двадцать назад получить!

Это был удар ниже пояса. Но звезда держала удары хорошо.

– Все правильно: девятнадцать лет назад, ровно через пять лет после тебя, душка.

Шерон Стоун, улыбаясь, осмотрела быстро Николая и склонилась к уху подруги:

– Твой молодой человек шикарно выглядит. Скажи, кто его стилист: хочу мужу имидж поменять.

– Проще поменять мужа.

– Тоже верно, – согласилась Шерон Стоун, продолжая съедать глазами Торганова.

Подходили все новые и новые люди. Некоторых Николай узнавал и поражался тому, что они к нему обращаются, как к равному. Подходили, разумеется, не специально для того, чтобы поздравить именно его, а для того лишь, чтобы выразить свое восхищение стоящей рядом с ним актрисе. Джек Николсон, Дженифер Лопес, Бред Питт, Ричард Гир, Стинг, Джон Траволта, Джулия Робертс и многие другие известные ему или просто люди со знакомыми лицами – все имена Торганов не мог вспомнить.

Скарлетт Йохансон подмигнула ему:

– Привет. Поздравляю. Как тебе вечеринка?

Коля заглянул в ее огромное декольте и восхитился:

– Даже не представлял, что бывает такое!

Когда наплыв друзей актрисы спал, к ним подошел Стивен Спилберг. Он поцеловал руку звезде, а потом обратился к Николаю:

– Прости, Ник, у меня к тебе будет предложение. Я давно хочу снять фильм о еврейских погромах в России.

– О чем? – не понял Торганов.

– О преследовании и геноциде евреев во время правления последнего царя. Мне бабушка рассказывала кое-что. Она

жила в Одессе. Но материала мало. Нужна канва. Нужна история человека на фоне событий. Ты мог бы пойти ко мне в соавторы?

Николай пожал плечами, а кинозвезда осторожно кольнула его в бок остро заточенным ногтем.

– Я могу прямо сейчас придумать сюжет, – кивнул Торганов, – тема мною тоже выстраданная. Не знаю, подойдет ли?

– Слушаю внимательно, – напрягся Спилберг и оглянулся проверить – не подслушивает ли кто.

Но все вокруг радовались, пили шампанское, мартини, виски, коньяки и водку.

– Бедный скрипач, одинокий, страшно талантливый, играет в дешевом кабаке для рыбаков, грузчиков, бродяг, профессиональных нищих, воров-карманников, проституток – для всех обиженных жизнью. Все эти люди винят в своих бедах евреев, но еврея Сашку любят безумно, потому что они плачут во время его игры, умывают слезами душу, страдая от жалости ко всему миру. А у скрипача в этом мире только маленькая белая собачка, которая ему всего дороже...

– Угу, – согласился Спилберг, – а потом он ее утопил. Я где-то читал.

– Он ее не утопил. Собачку утопил другой герой – глухонемой дворник.

– Хороший ход с глухонемым, – согласился великий режиссер. – А глухонемой был тоже антисемитом?

– Вполне вероятно, но только глухонемые вряд ли подда-

ются на антисемитскую агитацию. А собачку убили во время погрома. На Сашку напала толпа, но скрипача узнали, не стали трогать, только забавы ради вырвали из его рук собачку и ударили головой о булыжную мостовую...

– Ник, не надо, пожалуйста, – попросила звезда, – а то я заплачу.

Спилберг обернулся к ней и действительно увидел слезы в глазах красавицы.

– Прекрасно, – сказал он, – вот что значит талантливый человек! Я покупаю идею! На днях свяжись со мной лично.

Известный всему миру режиссер достал из кармана золотую визитницу, вынул из нее карточку и протянул Николаю.

– Только не тяни с этим.

– Через день у вас будет расширенный синопсис, могу и поэпизодный план представить.

– Тогда и контракт заключим, – обрадовался Спилберг, – сколько ты хочешь за сценарий? Но только учти, что твоим соавтором стану я сам, а в таком случае буду менять все, что угодно, по своему усмотрению.

Николай открыл было рот, но звезда опять кольнула его ногтем и тут же спросила режиссера:

– А какой планируется бюджет?

Спилберг пожал плечами:

– Рано пока говорить, но меньше ста миллионов вряд ли. На небольшие деньги шедевр не создать.

– Я хотел бы получить гонорар в размере полутора про-

центов от бюджета, – ляпнул Торганов.

Звезда снова кольнула его в спину.

– Без учета налогов, разумеется, – объяснил Спилбергу равнодушный к деньгам Торганов и добавил: – И полпроцента доходов от проката.

Звезда погладила Колю по спине, а Спилберг прищурился:

– Вполне приемлемо. Послезавтра свяжись со мной, договоримся о встрече. Подпишем контракт, половину гонорара получишь в качестве аванса.

Николай почувствовал, как похолодела спина, поднял голову и увидел, что за ним наблюдают.

– Увидимся через день, – сказал он и протянул руку режиссеру, которым восхищался всю жизнь.

Глава четвертая

Не только дураки, но и многие умные люди мечтают прославиться. Проснуться в обнимку с удачей надеется большинство людей. Проснуться в обнимку с кинозвездой мечтает каждый мужчина.

Коля Торганов почувствовал, как что-то щекочет ему ноздри, и открыл глаза. Мишел лежала на его груди и обнимала его. Ее волосы разметались на половину кровати и касались Колиного лица. Именно волосы, пахнувшие ароматом вечерних цветов, и щекотали ноздри. Хотелось чихнуть, но Николай сдержался. «Боже, – подумал он, – неужели я не сплю?» Вспомнил вчерашний вечер, церемонию вручения наград, все, что за этим последовало, вспомнил ночь и невероятную страсть Мишел. В случившееся невозможно было поверить, но это произошло. Все, что казалось невероятным, о чем он не мог даже мечтать, случилось не с кем-то, а именно с ним. Еще вчера он и представить не мог, что окажется в постели с этой женщиной, а теперь может погладить ее волосы или поцеловать голое плечо, сказать то, что обычно говорят близким людям...

В конце восьмидесятых, когда мать и ее новый муж ушли из дома, обещав вернуться поздно, Коля перерыл полку с видеокассетами, нашел ту самую, которую накануне мать взяла у подруги. Прогнав сына в его комнату, она осталась насла-

ждатьсья фильмом наедине с человеком, внезапно вошедшим в ее жизнь. Новый муж был младше Ирины Витальевны на пять лет, он приехал из Риги, был немногословен и, кроме прочих достоинств, обладал званием мастера спорта по настольному теннису.

Фильм, который Коля с нетерпением хотел посмотреть, оказался недублированным гангстерским боевиком. Коля, хоть и занимался ежедневно с матерью изучением английского, понимал не все. Но содержание уже не интересовало его: драки, перестрелки, взлетающие на воздух взорванные автомобили – все ушло на второй план. Он уселся на пол перед самым экраном, во все глаза смотрел на главную героиню, дрожа от ее красоты, и сердце сжимало предчувствие чего-то запретного и сладостного.

Тогда ему было двенадцать, и он еще не понимал ничего, но уже ощущал прелесть экранной девушки каждой клеточкой своего тела.

В том старом боевике молодая длинноногая красавица заходила в бассейн медленно, словно специально демонстрируя только ему одному свое прекрасное тело, оглянулась и улыбнулась смущенно, прося простить за откровенность. Коля задохнулся тогда, нажал на кнопку стоп-кадра, чтобы сохранить эту улыбку навсегда.

А теперь та же девушка, изменившаяся, но все равно прекрасная, лежит с ним в одной постели в номере лос-анджелесского отеля «Плаза». За исполнение роли в том старом

фильме она была номинирована на «Оскар», потом ее еще трижды выдвигали на получение награды американской киноакадемии, и фильмы уже были серьезные, и играла она несравненно лучше, но награды получали другие. Только теперь сбылась ее мечта. Два одинаковых голых человечка, обтянутых золотой кожей, стоят теперь на столе в номере отеля между букетом цветов и недопитой бутылкой виски.

Мишел проснулась, а может, не спала уже давно, и теперь она едва коснулась губами его груди и прошептала:

– Я пойду в душ, а ты закажи шампанское.

Она присела на постели, потянулась, выгнув худенькую спинку, – Коля смотрел на ее маленькие позвонки, змейкой убегающие к пояснице, испытывал нежность к ней и восхищение тем, что происходит сейчас, тем, что происходило ночью, и тем, что ждет впереди. Мишел встала с кровати, подняла валяющуюся на полу бриллиантовую цепь, шагнула к столу и положила цепь рядом с бутылкой виски.

– Хорошо, что не потеряла: я ее у ювелира напрокат взяла – вещь застрахована, конечно, но все равно крику было бы много.

Она обернулась к Николаю и, не улыбаясь, посмотрела на него, словно проверяя его реакцию или ожидая каких-то слов.

– Я закажу шампанское, – сказал он, продолжая разглядывать Мишел.

Конечно, она была великолепна, она по-прежнему звез-

да, хотя и помятая немного, потускневшая, без того блеска в глазах, что поразил Колю в детстве. По-прежнему желанная и обожаемая, как и тогда в далеком советском прошлом. От нее пахнет цветами, она грациозна и женственна. Ночью она шептала что-то ему на ухо, кричала слова любви, царапала ему спину острыми ногтями и плакала от страсти. Ночью от нее пахло виски, и она походила на обычную женщину, на обычную, но которую не встретишь никогда.

– Спасибо тебе за «Оскара», – сказала Мишел, заходя в ванную комнату.

Через пять минут в номер принесли две бутылки «Дом Периньон», Николай взял бокалы и пошел к Мишел. Они сидели в ванне, утопая в стогу пахнувшей левкоями пены, пили шампанское и болтали о всяких пустяках.

– Я думаю, что Спилберг удивился, – улыбнулась звезда, – вот так запросто рассказать ему о том, о чем он много думал, но не знал, как все это выразить в кино. А ты сразу, не раздумывая ни секунды, выдал сюжет.

– Я всего лишь пересказал ему рассказ Александра Куприна.

– Это неважно! Важно то, что ты завтра подпишешь с ним контракт на два миллиона долларов. Сумма может оказаться и большей.

– И это неважно. Важно, что ты – рядом со мной, – шепнул ей на ухо Николай.

Мишел хихикнула и отстранилась.

– Айвен Торгановф – твой родственник? – спросила она, сделав глоток из бокала.

– Кто? – не понял Николай.

– Русский писатель. Я читала его книгу. Вчера целый вечер мучилась, пыталась вспомнить название и только сейчас вспомнила. «Весенняя вода», кажется.

– А-а, Иван Тургенев, – догадался Николай и соврал: – Родственник, но дальний – двоюродный прапрадедушка.

Потом они перебрались в номер и, лежа в постели, посмотрели в новостях краткий репортаж о вчерашней церемонии, в котором показали их двоих и назвали самой красивой парой вечера.

Затем они долго разговаривали о новом проекте Спилберга, и Мишел попросила написать роль для нее.

– Уже! – ответил Николай и показал на свою грудь. – Ты в моем сердце, и твоя роль всегда главная.

– И кем ты меня видишь?

– Содержательницей публичного дома, которая более всего боится, что ее дочери-гимназистки узнают, каким образом мать зарабатывает на жизнь и на их учебу.

– Если бы мне это предложил Спилберг, я плеснула ему в рожу шампанское, а тебе не буду. Я согласна.

Она внимательно посмотрела на Торганова, и он снова наклонился к ее лицу.

– Я люблю тебя.

– Мне сорок четыре года, – с расстановкой произнесла

Мишел.

– Я люблю тебя, – снова соврал он.

– Если бы тебе что-то было нужно от меня, я бы не поверила, но это ты нужен мне.

– Придется поверить.

Звезда потрясла головой и прошептала:

– Мне сорок четыре года... Сволочная жизнь – она так быстро проходит!

До вечера они оставались в номере. Потом собрались уходить. Николай спрятал своего «Оскара» за пазуху, а Мишел – в сумочку, предварительно вынув оттуда темные очки и черную шелковую косынку, под которой спрятала волосы. В сумочку улеглись бриллиантовая цепь и серьги. Теперь она почти ничем не отличалась от других женщин.

– Будем расходиться поодиночке? – спросил Торганов.

– Нас вряд ли узнают. А если и узнают, мне это не повредит, ведь и ты теперь тоже звезда.

Но кто-то из служащих отеля, судя по всему, сдал их. Когда они вышли из лифта и направились к выходу, засверкали вспышки цифровых камер, со всех сторон бросились paparazzi. Каждый что-то кричал, стараясь обратить на себя внимание, рассчитывая, что хоть один из звездной парочки обернется в его сторону и снимок получится более презентабельным.

– Как долго длится ваша связь?

– Миссис Майлз, говорят, что Стивен Спилберг предложил вам роль?

– Мистер Торганов, правда, что ваш отец кадровый офицер КГБ?

– Миссис Майлз, ваш муж знает о вашем романе с Торгановым?

Они пробились сквозь эту толпу молча. Николай открыл дверь такси, пропустив Мишел в машину. Блицы продолжали сверкать. Торганов хотел и сам сесть в машину, но Мишел отстранила его:

– Я поеду одна. Прощай. Спасибо за все. Ты очень добрый.

Дверь закрылась, такси рвануло с места. Николай махнул рукой, подзывая другую машину. А папарацци продолжали его фотографировать.

– Мистер Торганов, вы собираетесь сделать миссис Майлз предложение?

– Да пошли вы все, – ответил Николай по-русски.

Глава пятая

Ранним утром Торганова разбудил телефонный звонок.

– Поздравляю, – сказала Ирина Витальевна, – честно говоря, не ожидала. То есть... Конечно, я всегда в тебя верила: недаром столько в тебя вложила и душевных сил, и денег, разумеется. На том свете мне зачтется.

– Ты туда уже собралась? – притворно удивился Николай.

– А кто знает, Коленька, сколько ему отпущено? Утром человек радуется жизни, а приходит вечер – и нет человека.

– Тебе только пятьдесят два.

– Уже пятьдесят два.

Ирина Витальевна вздохнула в трубку и продолжила:

– Теперь, чтобы просто быть здоровым, надо быть богатым человеком. Обычная операция стоит нынче бешеных денег.

– А разве у тебя нет страховки? Или ты говоришь о пластической операции? Если нужны деньги, я могу одолжить.

– Спасибо, не откажусь. Но я не за этим звоню.

Мать неожиданно перешла на шепот:

– Коленька, во всех газетах помещены фотографии, на которых ты и Мишел Майлз. У тебя с ней серьезно?

– Мы работаем над новым проектом.

– Тебе Спилберг заказал сценарий? Так значит, вот о чем вы с ним беседовали на банкете.

Потом позвонила бывшая жена. Джозефина с болью в голосе сообщила, что понимает, ради кого он отверг ее чувство, и пообещала, что Мишел Майлз обязательно бросит его, как бросала всех своих любовников, которым он, несчастный Торганов, и в подметки не годится.

Следом пробился соученик по университету. С ним Николай играл в бейсбольной команде, и от него девять лет не было ни слуху, ни духу.

– Поздравляю с «Оскаром», старик. У меня тоже все неплохо: своя адвокатская контора. Но все работа, работа, а жизнь-то проходит, люди теряют друг друга. Давай как-нибудь встретимся. Можно у тебя посидеть. Я женат, но приеду один. Кстати, у Мишел есть подружка?

Пришлось отключить телефон, а в душе он думал, в какой прекрасной стране живет: не успел поговорить с известным режиссером, как все уже считают, что у него с ним совместный проект – впрочем, это недалеко от истины. Не успел тайком переспать с кинозвездой, а вся страна ему уже завидует. Теперь его отношения с Мишел – достояние обществу, и это обстоятельство не радовало и не удручало его. Торганов размышлял спокойно, словно уже давным-давно жил подобной жизнью. Теперь каждый шаг надо делать осмысленно, потому что любой поступок может стать пищей для обсуждения людьми незнакомыми, мнение которых ему безразлично, но пересуды и домыслы прессы могут создать нежелательный имидж, а значит, повредить работе.

Николай спускался в дребезжащем лифте. В кабине, кроме него, находились две соседки по дому, с которыми он иногда здоровался, две негритянки – молодая и старая. Обе рассматривали его с одинаковым нескрываемым интересом, словно у него была расстегнута ширинка. Он чувствовал на себе их взгляды, даже когда вышел из дому. И потом, когда ехал в вагоне подземки, на него оглядывались какие-то пятнадцатилетние девочки со школьными рюкзаками за спиной.

«Это просто мания, – решил он, – вряд ли меня узнают. Может быть, я просто привлекательный мужчина, но теперь придется прятаться от всех случайных взглядов, меньше бывать в общественных местах, контролировать каждый свой поступок и каждое слово».

Телефон в кармане тренькал, не переставая, Николай уже не отвечал на звонки, но, когда вышел из метро, все же поднес аппаратик к уху и услышал срывающийся от негодования незнакомый голос:

– Ну, ты, урод! Если я узнаю, что ты бегаешь за мисс Майлз, то я тебе знаешь что оторву... Она – моя! Ты понимаешь это, русская сволочь? Еще раз подойдешь к ней...

Человек, набравший его номер, был явно невменяемым. Но взбесило Торганова другое: откуда все эти люди знают номер его мобильного? Надо срочно поменять номер, а заодно и подыскать другую квартиру. Если все-таки состоится контракт со Спилбергом, то денег должно хватить на покуп-

ку собственной или даже на домик в пригороде – в хорошем районе, где живут люди, не интересующиеся подробностями частной жизни соседей. Только вот где найти таких нелюбопытных людей?

Снова зазвонил телефон.

– Не бросай трубку, урод, когда я с тобой разговариваю. Убирайся назад в свою Россию и живи там! А если я узнаю...

– Спасибо за совет, – спокойно ответил Торганов, – я воспользуюсь им всенепременно.

Странно было услышать здравую мысль от сумасшедшего. Но все же Николай удивился больше своему ответу – случайному, может быть, но неожиданно отозвавшемуся в сердце.

Переговоры со Спилбергом прошли быстро. Они обсудили сюжет будущего фильма. Стивен со страстью воспринял образ глухонемого дворника.

– Ты представляешь, Ник, как это можно обыграть: глухонемой русский антисемит в исполнении Николсона дружит с талантливым еврейским скрипачом, которого сыграет Хофманн! Один не слышит музыки, а другой не понимает ничего из его мычания. А если представить, что дворник – гей! А? Жаль только, что парочка этих актеров своими гонорарами съест весь бюджет фильма. Хотя под их имена можно любые деньги найти, а потом такие сборы на прокате сделать!

– В сценарии и для Мишел найдется характерный персо-

наж, – подсказал режиссеру Торганов.

– Ага, – скривился Спилберг, – ты еще предложи на какую-нибудь роль своего друга Шварценеггера! Получится, что вся съемочная группа состоит из оscarовских лауреатов. Кстати, а ведь это так и есть...

– Просто, кроме нее, никто не сможет это сыграть. Уличная проститутка, защищаясь, убивает богатого клиента – сексуального маньяка, на деньги из его кошелька открывает заведение...

Торганов вдруг понял, что несет несусветную чушь, замолчал, но великий режиссер смотрел на него внимательно. И тоже молчал.

– Может, ты и прав, Ник, – наконец произнес Спилберг, – Шварценеггера можно пригласить на роль главаря погромщиков. Приклеим ему бороду...

Окна новой квартиры выходили на Центральный парк. Квартирка была небольшая, арендная плата высокая, но Торганов мог себе это позволить. Мечта о собственном домике в пригороде отошла на второй план, но в том, что она осуществится, Николай не сомневался. Не было сомнений и в том, что настало время, когда все его мечты будут осуществляться – главное, мечтать о чем-то реальном, а не о заведомо несбыточном, вроде полета на Луну на собственном «Шаттле».

Мишел не звонила, он ей тоже. Газетчики и папарацци

вдруг очень кстати забыли о нем. Ничто не мешало работе над сценарием.

В доме, куда переселился Торганов, проживали люди солидные: в основном офисные служащие и адвокаты. В друзья или в знакомые они не набивались. Встречаясь в подъезде или в лифте, коротко кивали Николаю и теряли к нему всякий интерес. Телефон молчал, и это почти радовало. Личной жизни не было никакой. Лишь однажды он позвонил бывшей знакомой, с которой встречался недолгое время после того, как расстался с Джозефиной, и пригласил ее в ресторан. Она согласилась на встречу сразу.

Когда они познакомились, девушке было двадцать лет, она пыталась таскать Ника на дискотеки, но ему не нравились ни громкая музыка, ни бьющее по глазам мелькание лазерных лучей, ни запах марихуаны в туалете, ни вспотевшая от нескончаемых танцев собственная спина. Не нравилось все это, может быть, оттого, что на развлечения у него не было тогда денег. А девушка не представляла своей жизни без тусовок. Она была высокой, тонкой и грациозной, прекрасно танцевала и обольстительно улыбалась. Светлокожая мулатка, она носила мини-юбки и работала секретаршей в каком-то банке. Ночи с нею изматывали Торганова, впрочем, и его подругу тоже. Но все равно она каждое утро вскакивала ровно в семь, неслась в душ, а он в это время готовил кофе и тосты на двоих. Потом они завтракали, целовались у двери и на лестничной площадке в ожидании медленно ползу-

щей скрипучей кабины лифта, мулатка исчезала, а он, вернувшись в постель, чтобы еще часок поспать, обнаруживал под своей подушкой ее трусики.

Теперь они встретились в тихом ресторане. На столиках горели свечи, а шаги официантов приглушали ковры. Чернокожий музыкант, сидя перед сверкающим белым роялем, негромко наигрывал Гершвина, а в воздухе висел аромат индийских благовоний.

Она вошла в зал в дорогом коктейльном платье, коротком и плотно обтягивающем стройное тело. Она почти не изменилась, но, когда Николай бросил взгляд на ее грудь, тут же объяснила:

– Силикон. Муж попросил.

– Ты замужем?

Вопрос прозвучал нелепо: она сама только что сказала о муже. Но Торганов хотел узнать совсем иное – только растерялся немного. Она была прежней, несмотря на силиконовую грудь и мелированные волосы, раскиданные по плечам разновеликими прядями.

Она кивнула, и пряди эффектно сверкнули.

– За своим бывшим боссом. Мы с ним сразу поженились после того, как я с тобой рассталась. Я встречалась с вами параллельно.

– Хорошо, что не перпендикулярно, – попробовал пошутить Николай.

Почему-то стало вдруг неприятно от того, что несколько

лет назад его девушка спала еще и со своим боссом.

– А будущий муж был в курсе наших отношений?

– Естественно. Я ведь врать не люблю, честно ему все рассказывала. Говорила, что у меня есть еще парень. Только он бедный. А когда ушла от тебя, босс сказал: «Баста!» Он ведь итальянец. Его семья была против нашего брака, но он им объяснил, что я тоже католичка. Он был вдовцом, и у него две дочери от первого брака. Но теперь они обе замужем.

– Муж намного старше тебя?

– На тридцать лет.

– Ты по-прежнему работаешь у него в офисе?

– Нет, конечно. Он мне клуб купил. На свое имя, разумеется. Но там я управляю. Очень хорошая музыка, танцовщицы прекрасные. Если хочешь, познакомлю с девушками, может, выберешь какую-нибудь. Они все симпатичные и танцуют замечательно. Ты теперь знаменитость, так что можешь позволить себе красивую любовницу. Хотя что я говорю, ведь у тебя Мишел Майлз!

Они проговорили почти час, что-то съели и выпили по паре бокалов «Шато Петрюсс» девяносто первого года, а потом бывшая подруга спросила:

– Ты далеко живешь?

И тут же, не дожидаясь ответа, предложила:

– Поехали к тебе!

А он кивнул в ответ.

Поехали на такси, хотя пешком идти было не более десяти

минут. Но она спешила.

Она даже квартиру не стала осматривать, войдя внутрь, сразу спросила: «Где спальня?» – и тут же стянула через голову коктейльное платье.

Николай, снимая ботинки, крикнул:

– А как же твой муж?

– А зачем ему знать? – донеслось из спальни. – Это раньше я была честной, теперь-то поумнела.

Через полчаса она, откинувшись на спинку кровати и поставив на живот Торганова пепельницу, курила, разглядывая комнату и французские офорты на стенах.

– Мишел Майлз тоже была в этой кровати?

– Здесь ее не было, – ответил Николай, – да между нами и нет ничего.

– Это ваши дела, – махнула рукой мулатка, отгоняя сигаретный дым от лица. – Сейчас продолжим, но у меня к тебе одна просьба.

Она погасила сигарету, раздавив о край пепельницы, сняла ее с торгановского живота и поставила на тумбочку.

– Милый, напиши для меня роль в своем сценарии! Хочу в кино сняться. Роль любая, могу раздеться: я без комплексов. Раньше маленькой груди стыдилась, а теперь у меня во какая! Посмотри!

Николай посмотрел, но не вдохновился.

– В другой раз, может быть, в том сценарии, над которым я сейчас работаю, роли для тебя быть не может: действие про-

исходит в России сто лет назад.

– Скажи, что ты просто не хочешь!

– Да и на роли утверждает не автор сценария, а режиссер.

– Я и с ним договарюсь.

– Вряд ли. Спилберг не любит, когда на него давят.

Бывшая подруга встала с кровати.

– Тогда я пойду.

– Не забудь трусики, – напомнил Николай.

– Не забуду. Теперь я ношу трусики не дешевле пятисот баксов. С фианитами и натуральными серебряными нитями.

Деликатная ручная стирка.

Она оделась в коридоре, где валялось на полу ее платье.

Покрутилась перед зеркалом, потом подставила для поцелуя щеку и перед тем, как удалиться, вздохнула:

– Не думала, что ты мне откажешь. Милый, а ты случайно не расист?

Сценарий он сдал. Спилберг, прочитав, позвонил и сообщил, что ему понравилось, но придется немного доработать и кое-что переделать. Но все он сделает сам.

– Ты не против, – спросил Стивен, – если мы введем в эпизод девушку-мулатку? Меня тут познакомили с одной – очень грациозна!

– Делай, что хочешь. Только сто лет назад в одесских публичных домах не было грациозных негритянок! Там в Одессе до сих пор любят толстых с огромной и, учти, не силико-

новой грудью.

Спилберг помолчал, а потом спросил:

– Ник, а ты случайно не расист?

Торганов дописывал сценарий второго фильма о русской графине, когда понял, что ему все надоело. Слава богу, иногда звонил мистер Руни, крайне заинтересованный в скорейшем запуске фильма в производство, и подкидывал, как ему самому казалось, свежие идеи.

– Ник, а что, если миллионер Бакси Меллоун попадет в аварию? Ехал на своей инвалидной коляске и упал с обрыва. Нет... На колясках катаются безногие, а он слепой. Значит, так, шел он со своей палочкой через дорогу, а тут несется на «Феррари» Аль Капоне и врзается прямо в него. Ник, в начале тридцатых «Феррари» уже были? Вот и я не помню. Но «Роллс-Ройсы» точно существовали. Значит, так: несется на своем «Роллс-Ройсе» слепой миллионер, а навстречу Аль Капоне на «Бентли». Бах! Лоб в лоб! Слепой миллионер при смерти, его водитель погиб, а Капоне попадает в тюрьму за неуплату налогов. Тут происходят всякие заморочки: перестрелки, забастовки, выборы президента, бодяжное виски из Канады, которым травится начальник полиции Чикаго Дик Трейси. А у Дика, в свою очередь, еще и несчастная любовь к нашей героине... И среди всего этого русская графиня гордо катает на инвалидной коляске своего мужа, потому что миллионер уже не только слепой, но и парализованный пол-

ностью после аварии. Как тебе это?

– Здорово, – согласился Торганов, – родственники миллионера делят его наследство, кое-кто уже положил глаз и на русскую графиню. А миллионер Бакси Меллоун на самом деле только притворяется парализованным, он даже видит все собственными глазами, потому что во время столкновения с «Бентли» шандарахнулся о лобовое стекло «Роллс-Ройса» лбом так сильно, что зрение восстановилось само собой.

– Точно! – восхитился мистер Руни. – Все как в реальной жизни. Я знал одного старика, который упал с велосипеда и разбил очки. Пошел заказывать новые и убедился, что видит и без них. А потом он женился на молодой. Только они вместе недолго прожили – его жену машина сбила, когда та дорогу переходила.

– А этот эпизод можно вставить в фильм? – спросил Николай.

– Конечно, конечно, – обрадовался Руни, – пусть кого-нибудь из родственников миллионера машина задавит. Или двух родственников. Чем меньше актеров останется на съемочной площадке, тем проще будет уложиться в бюджет.

– Может, еще кого укокошим? – предложил Николай. – А то больно мало смертей получается.

– Точно! – согласился мистер Руни. – Я сейчас подумаю об этом и тебе перезвоню.

Думал он, вероятно, очень быстро, потому что не прошло и минуты, как телефон снова зазвонил.

– Кого еще надо убить? – спросил Николай.

Но в трубке повисла гулкая тишина. Потом далекий мужской голос робко поинтересовался:

– Я могу поговорить с мистером Торгановым?

– Это я, – признался Николай.

– Мистер Торганов, вас беспокоят из России. Я президент крупной издательской фирмы. Мы хотим издавать ваши книги на вашей исторической родине. Нам известно, что издательство «Леви, Леви энд Цуккер» обладает лишь правом издания и распространения ваших книг на английском языке. А мы хотели бы выпускать их на русском. Вы умеете писать по-русски?

– Я могу на нем даже разговаривать, – обрадовал издателя Торганов.

И тут же услышал, как его собеседник облегченно вздохнул.

– О'кей, – продолжил российский издатель, – то есть очень хорошо!

Последние слова он произнес на родном для них с Торгановым языке.

– Если честно, то мы уже перевели «Тихого ангела» на русский. Издали бы, но без контракта с вами не решились.

– Я подпишу контракт с вашим издательством, если, конечно, вы мне его пришлете и он меня устроит. А заодно переправьте рукопись, чтобы я прочел, что вы там напереводили.

– Мы решили выпускать «Тихого ангела» заводами по сто тысяч. Изучили рынок и думаем, что можно продать миллион экземпляров книги, если, конечно, продавать еще на Украине и в Средней Азии. А за каждый выпущенный экземпляр вы получите один доллар.

Торганов решил вдруг, что это какой-то розыгрыш, и притворно возмущился:

– Всего один доллар за каждый экземпляр? Да это форменный грабеж!

Издатель начал оправдываться и сбивчиво объяснять, что Россия теперь не самая читающая страна мира, к тому же не самая богатая, а книги покупают лишь самые неимущие слои населения, лишь те люди, которым приходится добираться на работу в переполненном метро. Знакомятся они с новинками литературы в экстремальных условиях: в давке и толкотне, когда кто-то пытается через плечо бесплатно прочитать купленную другим книжку и дышит в ухо перегаром. В общем, приобщение к чтению грозит порой потерей здоровья. Но ради настоящей литературы российские граждане готовы рисковать, однако платить высокую цену даже за хорошую книгу все равно не будут. А если учесть все затраты: издательские и полиграфические расходы, высокую стоимость бумаги и других материалов, налоги опять же, то доллар с книги – это потолок, выше которого...

Выпалив весь этот монолог одним духом, издатель вздохнул и прошептал:

– Ладно, пусть будет полтора доллара за экземпляр.

Только теперь Торганов понял, что его не разыгрывают, и спросил:

– Простите, а как вас зовут?

– Моя фамилия – Витальев. Можете называть меня просто

Гриша.

– Гриша, я согласен.

Издатель снова вздохнул, на этот раз облегченно. И стал рассказывать о том, что они хотели бы получить эксклюзивные права на издание в России всех произведений Торганова, и если у него есть еще какие-нибудь рукописи, то можно заключить общий договор и наметить план выпуска.

– Россию собираетесь посетить? – поинтересовался Витальев.

– Летом, – ответил Николай, хотя даже не думал об этом.

Издатель обрадовался и заявил, что оплатит его пребывание в России, организует телевизионные выступления в разных ток-шоу, а также интервью в газетах. А пока можно заключить контракт на одну книгу – ту самую, что уже практически готова к печати, после чего немедленно на счет Торганова будет перечислен гонорар за первые сто тысяч экземпляров.

Через два дня Николай получил текст контракта в двух вариантах – на русском и английском языках, он подписал оба. Потом пришел перевод «Тихого ангела». Он был ужас-

ным, и потому пришлось переписывать заново почти полностью весь роман. Но это оказалось совсем простым делом. Работалось ему легко и весело. Мистер Руни больше не звонил: сценарий второго фильма о русской графине он получил. В нем было все, о чем просил продюсер: и перестрелки, и драки, и автокатастрофа, и гибель нескольких родственников слепого миллионера, который в конце фильма прозревает окончательно и отдает часть своего огромного состояния на борьбу с сегрегацией.

Вскоре выправленная рукопись русского издания «Тихого ангела» полетела через океан. Издатель ознакомился с ней, позвонил среди ночи, поинтересовался погодой и сказал, что он в полном восторге. И не только он, но и жена, теща, даже его секретарша Вика целый день не могла работать, потому что рыдала над романом.

– Гонорар перечислили, – наконец сообщил Витальев самую радостную весть. И снова спросил: – Как у вас с погодой?

Вероятно, он намекал на визит Торганова в Россию.

Николай сделал вид, будто не понял намека.

– Сейчас у нас ночь.

Издатель извинился, еще раз напомнил о переведенной на счет Торганова сумме и, не прощаясь, отключился.

Николай снова лег в постель, но спать уже не хотелось. На часах было три ночи. Тогда он поднялся, не одеваясь, направился в кабинет и включил компьютер, но работать не очень-

то хотелось, неожиданно вдруг вспомнилось детство, ленинградский двор, зажатый между двумя блочными многоэтажками, девочка-одноклассница, живущая в доме напротив, ее огромные синие глаза, в которые он заглянул однажды во время танца на школьном вечере – и вмиг позабыл длинноногую красавицу из американского боевика.

Руки сами легли на клавиатуру, и Торганов набрал первые строчки.

«Если для того, чтобы вернуться в тот далекий, растаявший во времени миг, надо умереть, то я готов умирать каждую секунду своего бытия. Но Бог дал мне слишком много здоровья, и я не способен испытать всю силу отчаяния, которое испытывают многие несчастные, цепляющиеся за жизнь в одной лишь надежде на ответную, бескорыстную и самоотверженную любовь».

Торганов посмотрел за окно: там за темными верхушками деревьев Центрального парка едва светилось подсвеченное огнями города чужое небо.

Господи, как звали ту девочку?

Он забыл почти все – какие-то мелкие обрывки воспоминаний проносились перед ним: лужи во дворе, горящие окна в доме напротив, стена, освещенная розовым солнцем, школьное крыльцо и девочка, попросившая его о чем-то; она улыбалась, и в ее глазах отражалось весеннее небо. Может быть, та девочка и была самым главным в его жизни. Но как ее звали?

«...Что-то неисполненное осталось там, куда невозможно вернуться и исправить собственную жизнь. Данное обещание забыто, а может быть, все, что происходит сейчас с ним, – это возмездие за глупые мечты о счастье, в котором нет ее – маленькой птички, певшей на подоконнике дома, где уже давно живут другие люди».

Торганов работал. Бледное солнце поднялось и осветило его комнату, но потом облака закрыли небо, и пронеслись тучи, гонимые шквальным ветром. Николай писал. От дождя он отмахнулся, как от назойливого гостя, постучавшего по оконному стеклу мокрой ладонью.

«...Все самое лучшее и самое чистое остается в детстве, и вся последующая жизнь – лишь возвращение...»

Торганов спешил. Почему-то очень хотелось закончить новый роман к лету.

А лето уже не за горами.

Позвонила Мишел.

– Как дела? – спросила она.

– Привет, – ответил он.

– Я уже прочитала сценарий.

– Ну и как тебе?

– Рыдаю.

– Неужели так плохо?

– Наоборот. Просто пытаюсь войти в образ. Но слезы мне мешают.

– Это всего лишь глупая сказка, – сказал Николай.

– Конечно, только мне безумно жаль героиню. Она любит скрипача, но спит с начальником полиции. И с главарем погромщиков.

– С Арнольдом?

– Вероятно, но только Шварценеггер еще не дал согласия на съемки. Сценарий он получил – в восторге от него и от своей роли. Но только боится играть отрицательного героя, почему-то ему кажется, что это навредит его политической карьере.

– Прости, но в моем сценарии твоя героиня ни с кем не спит.

– Я в курсе. Это Спилберг добавил остроты.

Мишел замолчала.

– У тебя кто-то есть? – после паузы услышал он.

Но что ответить, не знал. Наконец выдал:

– Вряд ли.

– Хочешь, я приеду к тебе сегодня?

– А твой муж?

– Муж отнесется к этому спокойно. Я для него просто выгодное вложение капитала.

– Тогда, может, не стоит ломать его бизнес?

Мишел опять замолчала. Торганов ждал признаний, он даже не сомневался в том, что услышит их.

Но звезда произнесла тихо:

– Наверное, ты прав. Мы с тобой слишком разные. Мне

сорок четыре года, у меня двое детей и четвертый муж, которого я не люблю, как и трех предыдущих.

Она вздохнула.

Николай поспешил ее утешить:

– У тебя есть призвание. Есть любимая работа. Миллионы мужчин любят тебя и мечтают о такой, как ты.

– А я не знаю, какая я на самом деле. В одном только уверена: сейчас мне нужен ты.

– Прости, но я не могу быть с тобой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.